

0714979 - /

На правах рукописи

Дворянов Владимир Анатольевич
ПРОБЛЕМА "ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ" В
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ

Специальность 07.00.09 - историография,
источниковедение и методы исторического
исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

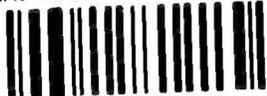
КАЗАНЬ - 2000

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории
Пензенского государственного педагогического университета
им. В.Г.Белинского

Научный руководитель - доктор исторических наук,
профессор **Смоленский Н.И.**

Официальные оппоненты - доктор исторических наук,

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

870104

профессор **Н. А. Бурмистров**

- кандидат исторических наук,

доцент **И. Н. Матвеева**

Ведущая организация - Нижегородский государственный
педагогический университет

Защита состоится *21 августа* 2000 г. в *10* часов на
заседании Специализированного Совета Д.053.29.06
в Казанском государственном университете по адресу:
440008, Г. Казань, ул. Ленина, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.
Н.И.Лобачевского Казанского Государственного университета.

Автореферат разослан *16 марта* 2000 г.

Ученый секретарь Диссертационного Совета
кандидат исторических наук,
доцент

Р.Г.Кашафудинов

Дворянов Владимир Анатольевич

**Проблема «политической истории» в современной
историографии ФРГ**

Специальность 07.00.09. - «Историография, источниковедение и методы
исторического исследования»

Автореферат

Лицензия ЛР № 020454 от 25.04.97

Подписано к печати 7. 02. 2000 г.

Формат 60x80 1/16. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная.

Объем 1 усл. - печ. л.

Тираж 100 экз. Заказ № 179. Бесплатно.

Издательство Пензенской государственной архитектурно - строительной
академии

Отпечатано в цехе оперативной полиграфии ПГАСА
440028, Г.Пенза, ул. Титова, 28

Актуальность и научная значимость проблемы. Современное состояние исторического знания характеризуется его растущим теоретическим, методологическим и организационным раздроблением. Такая дифференциация отчасти вызвана стремлением справиться с растущим количеством эмпирических данных о человеке и обществе. Свою лепту привносит разрыв между теоретическим научным знанием и практическими прикладными разработками. Но при всей дифференциации существуют отрасли знания, выражение своего отношения к которым является обязательной составляющей большинства научных направлений и подходов.

Одной из таких отраслей является политическая история, т.е. история государства и его политики. Как справедливо отметил П. Сорокин, любое совместное действие людей неизбежно ведет к возникновению иерархии, высшей формой которой является государство. Стихийное понимание этого обстоятельства, возникнув еще в древности, приобретало со временем все более систематизированный характер, и стало сегодня важным элементом теоретического багажа большинства исторических концепций. Наиболее сильный отпечаток оно наложило на научные школы стран, народы которых долгое время испытывали трудности в создании национального государства. Хорошим примером такой страны является Германия, историография которой не только сформировала классический вариант национально-государственного подхода к истории, но и повлияла на создание школ политической истории в ряде других стран, например, в США.

Современное состояние политической традиции в историографии ФРГ, к сожалению, до сих пор не получило должного освещения, хотя последнее могло бы послужить не только пониманию особенностей развития одной из наиболее влиятельных традиций историописания, но и раскрыть некоторые важные компоненты процессов второго

объединения Германии и европейской интеграции. Реализация этой задачи требует углубленного и тщательного изучения работ германских историков различных направлений, имеющих политическую составляющую, и продумывания содержащихся в них концепций "в свете нашего опыта" (как говорил Томас Манн). Предлагаемая диссертация является частью этой большой и необходимой работы, чем и определяется, по мнению автора, ее актуальность и научная значимость.

Состояние исследования проблемы. Научные труды представителей политической традиции пользуются сегодня большой популярностью в Германии как среди интересующихся историей обывателей, так и в кругах политической элиты. Они чаще других работ становятся предметом не только научных, но и общественных дискуссий, их авторы приглашаются в качестве официальных и негласных советников представителями различных федеральных ведомств. Однако в отечественной историографии до сих пор не предпринималось попыток подвергнуть их более-менее детальному анализу. Исследователи касались лишь отдельных аспектов традиционного направления политической истории. Наибольший интерес здесь представляют аналитическая статья Н.И.Смоленского и ряд фрагментов его монографии о категориях немецкой национально-политической историографии 19 в., акцентирующие внимание на преемственности от последних категориального аппарата политической историографии ФРГ.¹ Некоторые особенности творчества политических историков, принадлежащих к неолиберальному направлению, указывались в монографии А.И.Патрушева.² Краткую характеристику направления по состоянию на середину 1970-х гг. можно найти в статье М.И.Орловой.³

¹Н.И.Смоленский. Проблема "политической истории" в современной историографии ФРГ.// Новая и новейшая история, 1980, N 5; Его же. Политические категории немецкой буржуазной историографии /1848-1871гг./ Томск, 1982.

²А.И.Патрушев. Неолиберальная историография ФРГ. М., 1981.

³М.И.Орлова. Основные направления буржуазной и социал-реформистской историографии ФРГ.// Новая и новейшая история, 1977, N 6.

Относительно полная картина его развития на уровне 1960-х гг. представлена в работах В.И.Салова, К.Д.Петряева и Н.И.Черкасова.⁴

Существует литература, освещающая характерные для политических историков ФРГ трактовки крупных конкретно-исторических проблем, а также взгляды их оппонентов, но ее большая часть вышла в 1970-е гг. и не содержит новейшей информации.⁵ Современные дискуссии анализируются лишь в статьях А.И.Борозняка, Я.С.Драбкина, Н.С.Черкасова и А.М.Филитова.⁶ Последний, кроме того, пришел к выводу, что "в отношении господствующей, немарксистской историографии... требуется более дифференцированный подход". Но такой подход на сегодняшний день так и не сформировался.

Что касается политической составляющей концепций, не связанных с традиционным политическим историописанием, то она практически не подвергалась анализу в российской историографии, за исключением несистематизированных указаний на ее наличие в работах социальных и либеральных историков,⁷ а также упоминаний конкретно-исторических оценок последних в связи с их критикой неоконсерваторов. Некоторым исключением на этом фоне выглядят исследования А.А.Френкина и

⁴В.И.Салов. Современная западногерманская буржуазная историография: некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968; К.Д.Петряев. Мифы и действительность в "критическом пересмотре" прошлого: очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев, 1969; Н.И.Черкасов. К оценке современного состояния западногерманской историографии. Томск, 1969.

⁵См., напр.: А.Н.Мерцалов. Западногерманская буржуазная историография второй мировой войны. М., 1978; Л.В.Овчинникова. Германская империя 1871г. в буржуазной историографии ФРГ 60-70-х гг.// Ежегодник германской истории. 1975. М., 1976; А.М.Кольская, А.М.Филитов. Новейшая западногерманская буржуазная историография внешней политики СССР// История СССР. 1976, N 4.

⁶А.И.Борозняк. Политическая история в ФРГ: преодоление наследия тоталитаризма.// Политическая история на пороге 21 века.М., 1995; Я.С.Драбкин. Тоталитаризм фашизм коммунизм? /к продолжению дискуссии/ //Там же; Н.С.Черкасов. ФРГ: "Спор историков" продолжается?// Новая и новейшая история, 1990, N 1; А.М.Филитов. Историография ФРГ: проблемы и дискуссии.// Современная зарубежная немарксистская историография. М., 1989.

⁷Их можно обнаружить, в частности, в вышеобозначенной работе Патрушева, а также в его статьях: "Социальная история" в буржуазной историографии ФРГ.// Новая и новейшая история, 1976, N 4; Социально-критическая школа в историографии ФРГ. //Новая и новейшая история, 1976, N 4; Социально-критическая школа в историографии ФРГ.// Новая и новейшая история, 1986, N 6.

Н.С.Плотникова, посвященные представителям неоконсервативной философии истории. Однако последние интересовали их как политические философы, а не историки, что отразилось на выборе привлекаемого для анализа материала.⁸

Определенные попытки систематизации знаний о политической истории ФРГ предпринимались историками ГДР, однако они стремились не столько проанализировать ее, сколько разоблачить ее буржуазный характер.⁹ Что касается освещения проблемы политической истории в историографии ФРГ, то здесь чаще всего анализируются связанные с ней конкретно-исторические проблемы в разрезе различных подходов к ним. Особенно много такого рода обобщений появилось в связи со "спором историков".¹⁰ На этом фоне выделяются взгляды ученых, анализирующих культурологическую составляющую исторического знания. Пример тому - Г.Глазер, считающий современную политическую историю ФРГ связанной не столько с политической методологией 19 в., сколько - с влиянием постмодернистской моды.¹¹

В целом, можно говорить об отсутствии на данный момент комплексного систематизированного исследования проблемы политической истории в современной историографии ФРГ как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке.

Источниками представленного исследования послужили работы историков ФРГ историографического, теоретико-методологического и, в меньшей степени, конкретно-исторического характера. В первую очередь это - работы представителей различных вариантов

⁸ А.А Френкин. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990; Он же. Феномен неоконсерватизма.// Вопросы философии, 1991, N 5; Н.С.Плотников. Реабилитация историзма. Философские исследования. Германа Люббе.// Вопросы философии, 1994, N 4.

⁹ Unbewaeltigte Vergangenheit. Berlin, 1977; Faschismusforschung. Berlin, 1980.

¹⁰ I.Geiss. Die Habermas-Kontroverse. Ein deutscher Streit. Berlin, 1988; Idem, Der Historikerstreit. Bonn, 1992; Wehler H.-U.Wehler. Entsorgung der deutschen Vergangenheit? Ein polemischer Essay zum "Historikerstreit". Muenchen, 1988; Hennig E. Zum Historikerstreit. Was heisst und zu welchem Ende studiert man Faschismus? Frankfurt/ Main, 1988; Kosiek R. Historikerstreit und Geschichtsrevision. Tuebingen, 1987.

консервативного направления (А.Хильгрубер, К.Хильдебрандт, Г.Шмидт, М.Штюрмер, Э.Нольте, Г.Манн, Г.Люббе, О.Марквард, Г.-М.Баумгартнер), либеральной (Х.-А.Якобсен, К.-Д.Брахер, В.Ветте, М.Функе), социолиберальной (Х. и В.Моммзены, Ю.Хабермас) историко-философской традиции, различных вариантов социальной истории (Г.-У.Велер, Ю.Кокка, Й.Рюзен, Р.Козеллек, Г.Хедингер), Использовались материалы прессы, относящиеся к "спору историков", публикации в издании «Из политики и современной истории», в журналах «Исторический журнал», «История и общество», «Журнал исторической науки», «Ежеквартальники современной истории», «Страницы германской и международной политики», в серийных изданиях, выпускаемых Федеральным центром политического образования. Для анализа развития политической историографии от Древнего Востока до начала 1970-х и привлекались сочинения историков означенного периода и исследования их творчества.

Цель работы заключалась в комплексном исследовании состояния политической традиции в современной историографии ФРГ, т. е. такого видения истории, в рамках которого политический фактор рассматривается в качестве доминирующего, а в реестре ставимых перед нацией задач на первом месте оказывается все, что связано с самосохранением государства, защитой его пространства и правящих в нем властных структур. Для ее достижения ставились следующие задачи:

- проанализировать современное состояние традиционного направления германской политической историографии;

- проанализировать политическую составляющую других направлений историографии ФРГ: социальной истории, консервативного, либерального и социолиберального историко-философских направлений;

¹¹ См.: Н.Glaser. Kleine Kulturgeschichte der Bundesrepublik Deutschland 1945-1989. Bonn, 1991.

-показать преемственность современной германской политической истории с предшествующими этапами ее развития, начиная с политического историописания Древнего Востока.

В работе над диссертацией использованы методы конкретно-исторического и системного анализа. Пользуясь положением Гегеля о том, что "суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением",¹² автор исследовал постепенное формирование современной германской политической истории, вобравшей в себя ряд достижений мировой исторической мысли, включая германскую историческую традицию, развивавшуюся с конца 18 века. При анализе теоретических и конкретно-исторических работ немецких исследователей автор исходил из того, что историки - особенно работающие в жанре политической историографии - стремятся в своих работах легитимировать приемлемые для них альтернативы будущего социально-политического развития страны. Для этого ими чаще всего используются конкретно-исторические разработки понятий идентичности (национальной, социальной, культурной) преемственности (исторической, политической). В ходе этой разработки определяется ключевой период истории, становящийся точкой отсчета для конструирования преемственности и избирается удобная для историка интерпретация этого периода. Этот же период становится смысловым стержнем предлагаемой историком концепции идентичности. Понятия преемственности и идентичности становятся базовыми в созданной историком историко-политической концепции, которую он - пролагируя результаты своей работы - фактически предлагает осуществить в качестве своего рода историко-политического эксперимента, то есть воплотить в реальную политическую практику.

В случае признания предлагаемой историко-политической концепции в качестве государственного или группового официоза, она формирует

¹² Г.-В.-Ф. Гегель. Феноменология духа. - Сочинения, т.4, М., 1959, с.2

официальную идентичность, то есть образ мира и истории, определяемый основной историко-политической идеей, которой живет нация, социальная или этнокультурная группа в данную историческую эпоху. Этот образ одновременно может стать приемлемым для людей, составляющих данную нацию или группу, ответом на вопрос о сущности той общности, к которой они принадлежат, ее месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах ее существования.

В соответствии с этим, автор стремился рассматривать методологические и конкретно-исторические взгляды германских историков с точки зрения их роли и места в соответствующих историко-политических концепциях.

Хронологические рамки исследования - начало 1970-х - середина 1990-х гг. - определяются пониманием автором сущности проблемы политической истории в современной историографии ФРГ и недостаточной степени изученности указанного периода ее развития в существующей литературе. 1970-е гг. стали временем формирования обновленной методологической программы традиционной политической истории и политических составляющих других научно-исторических направлений ФРГ. В 1980-е гг. происходит их взаимное столкновение в ходе "спора историков". 1990-е гг. связаны с обсуждением в германском историческом цехе теорий Фукуямы, Хантингтона и Гольдхагена, предложивших считать субъектами политической истории не государства, а - различные типы политической культуры.

Методологические программы немецкой и иных традиций политического историописания до начала 1970-х гг., не составляющие предмета специального изучения настоящей работы, - привлекаются автором в первой главе для демонстрации их тесной идейной связи с современной традицией политического историописания ФРГ.

Научная новизна работы заключается в том, что:

1. Показана преемственная связь современной политической истории ФРГ с предыдущими этапами развития политического историописания;

2. Впервые политическая история ФРГ проанализирована на материале не только традиционного направления политической историографии, но и политических составляющих иных научно-исторических концепций;

3. Важнейшими категориями любого варианта политической истории рассматриваются понятия идентичности и преемственности;

4. Понятия политической историографии - идентичность, преемственность, национальное государство и др. - рассматриваются не как априорно заданные, а как проблемы, встающие на пути развития страны и требующие своего решения или хотя бы определенного соотношения друг с другом в поисках их синтеза, - на что и направлена активность политических историков;

5. Показана тесная связь современной политической традиции в историографии ФРГ с возникшей после второй мировой войны "немецкой проблемой" и различными вариантами ее решения.

Научно-практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его основные выводы позволяют более полно представить тенденции развития современной политической историографии ФРГ в связи с основными проблемами, стоящими сегодня перед западным обществом. Оно является также первой в российской историографии работой, комплексно освещающей особенности постановки проблемы политической истории в современной историографии ФРГ. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов философии и методологии истории, спецкурсов, при написании специальных и обобщающих трудов и пособий.

Структура диссертации отвечает задачам исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, содержащей 462 источника.

Во введении обосновываются актуальность и научная значимость темы диссертации, определяются цели, задачи, хронологические рамки

исследования. Кратко характеризуются методологическая основа и источники диссертации, подчеркивается новизна подхода к теме.

В первой главе "Основные этапы развития и разновидности политической историографии" - выявляются некоторые важные закономерности, в соответствии с которыми - от Древнего Востока до начала 1970-х гг. - эволюционировала политическая история. При этом внимание автора концентрируется лишь на тех теоретических моментах и классиках политической историографии, которые - по его мнению - оказали прямое либо косвенное влияние на политическую историю современной ФРГ. В связи с этим, начиная с эпохи политического романтизма, рассмотрение сосредоточивается на немецких вариантах историко-политической традиции, в рамках которых духовная культура рассматривалась независимой от материальной цивилизации.

До этого последовательно анализируются:

1. Политическая историография Древнего Востока (мифологическо - антропоцентристский подход к прошлому, возвеличивающий содеянное великим, "политическим" человеком);

2. Античная политическая история, сориентированная на подготовку государственного деятеля и начинавшая осознавать связь политических и социально-экономических факторов развития;

3. Патристическая историография, противопоставлявшая неправедному земному граду благостный град небесный и объявизшая сущностью политической истории последовательное принятие европейскими народами наднациональной идеи христианской империи;

4. Историография Раннего Нового времени (в первую очередь - итальянского гуманизма) и эпохи Рационализма, секуляризовавшая политическую историю, провозгласив ее движущей силой интересы человека, и превратившая ее в самостоятельную дисциплину, изучающую прошлое человеческого мира как органической части природы, выделяющейся из нее лишь своей политической сущностью;

5.Историография Просвещения, предложившая заменить политическую историю историей культуры, исследующей государства с точки зрения представляемых ими различных типов политической культуры.

В дальнейшем автор не рассматривает англо-французскую традицию историописания, не имевшую существенного влияния на "немецкий стиль" по крайней мере до середины 20 века. В рамках германской историко-политической традиции для анализа привлекаются концепции немецких историков, оказавших на нее решающее воздействие. Прежде всего это - идеи И.Г.Гердера, сформулировавшего понятие народного коллективного духа, цементирующего государство на основе языковой и культурной общности и превращающего международную политику в систему взаимоотношений различных его вариантов. Второй в этом ряду стоит концепция А.Мюллера, провозгласившего национально ангажированными - помимо культурных - элементы социально-экономического развития. Он же ввел запрет на свойственный Гердеру духовный секуляризм, считая религиозное наполнение необходимым для любой государственной идеи.

Эстафета преемственности уходит от Мюллера к Ранке и историкам малогерманской школы. В основе их методологии лежало стремление доказать необходимость поддержания континуитета между прошлым и будущим, "рабочим телом" которого провозглашалось государство. Ранке решил указанную проблему, обозначив историю процессом практического воплощения заложенной в ней моральной энергии. Государство объявлялось регулятором взаимоотношений различных форм этой энергии, становясь тем самым высшей духовной субстанцией. Дройзен заимствовал эту формулу, добавив к ней идею Аристотеля о душе, которая есть приращение в себе самой. Ссылаясь на нее, он релятивировал различие между сохранением и выходом за рамки сохраненного, абсолютизируя тем самым идею государства и

сводя ее к самопознанию в виде различных форм исторического нарратива.

Государство в германской историко-политической традиции было средоточием политической силы, оценка которой колебалась от явной апологетики (Х. фон Трейчке) до объявления этой силы злом (Я.Буркхардт). Последний считал моментом преимущества не государство, а культурную традицию, как эвфемизм понятия национального духа. Но и у него государство было условием расцвета творческой энергии, обеспечивающим преодоление индивидуальных эгоизмов.

Идея заданности политического процесса культурно-историческими элементами нашла свое продолжение у М.Вебера, считавшего религиозную этику основанием политической культуры и - в определенных условиях - экономического развития. Он же представил первое системное обоснование мысли о принадлежности германской политической традиции к атлантической культуре, которой Вебер приписывал универсально-историческое значение. Последнее положение было развито Ф.Майнеке, объявившим моментом связанности германской культуры с атлантической традиционный немецкий историзм. В его представлении, в основе европейского исторического процесса лежит определенный культурный код, чье опредмечивание происходит вне зависимости от материальных условий жизни. В силу этого политическая история - ничто иное, как духовное самопознание человечества, повествование о котором должно "охватывать не только собственно политические или неполитические идеалы, но и каждое стойкое проявление самостоятельной духовной жизни". Именно в борьбе за претворение в жизнь культурных ценностей возникает государство, поднимающееся в ряде случаев до "реально-духовного существования" - овеществляя определенную политическую идею - и само становящееся тем самым культурной ценностью.

Идея истории как процесса развития культурно-политических феноменов нашла свое продолжение в творчестве Г.Риттера и Г.Ротфельса. Смысл истории для первого из них был заключен в борьбе бога и сатаны, в силу чего главной характеристикой политического историка становилась его гражданская позиция и готовность служить христианским ценностям. Осознание этого, согласно Риттеру, позволит исследователям конструировать типологизирующие категории, заданные политическим интересом и одновременно наполненные глубоким социоисторическим и социопсихологическим содержанием. Например - понятие демонического начала в истории, ставшего следствием развития военной техники и роста политической активности народных масс.

Ротфельс провозгласил ведущим принципом истории борьбу тотального и экзистенциального начал. Образцами первого стали попытки монокаузального истолкования истории (включая марксизм) и "тоталитарные прорывы" 20 века, а второго - индивидуализирующий подход к прошлому и экзистенциальный героизм "людей 20 июля".

Указанные вопросы можно сформулировать в рамках единой проблемы взаимоотношения структуры и человека в истории, что и было проделано представителями "структурной истории". Так, Т.Шидер считал любую историческую общность комплексом сменяющихся во времени конвергенций и дивергенций, Первые выражены сильнее в проявлении социального и культурного факторов исторического развития, вторые - политического фактора. Общая тенденция исторического развития заключается в переходе культурных общностей к политическому и экономическому единству. При этом национальные союзы - лишь препятствия на пути к созданию естественных культурных сообществ типа единой Европы. Программа структурной истории стала первой законченной попыткой модернизации "старых путей" германской историографии путем переименования политического в социальное. Наиболее консервативные элементы прошлого в этой его версии

провозглашались объективными, закономерно переходящими в современность и не подлежащими изменению. Социологические методики признавались незаменимыми для анализа политических реалий, но попытки изменить их на научной основе объявлялись некорректными.

Проведенный в главе анализ позволяет сделать вывод о главной черте любой политической истории: ее стремлении объявить интересы государства более важными, чем интересы его граждан. Но культуралистский подход к политическому прошлому (историки Просвещения, Буркхардт, Вебер) не преодолевает антигуманизм политического подхода, поскольку культура в большинстве случаев обладает национально-государственной спецификой.

Во второй главе "ФРГ: историко-политические дискуссии 1970-середины 1980-х годов" анализируются характерные особенности обновленного варианта традиционной политической истории и политической составляющей других научно-исторических направлений, активно проявивших себя в указанный период. Рассматривается трактовка ими понятий исторической преемственности, национальной идентичности и научной объективности.

В первом параграфе "Политическая история современного типа" выявляются причины проявившегося на рубеже 1960/70 гг. в ФРГ ренессанса политической истории. Подчеркивается роль в этом деле традиционной склонности немецких гуманитариев к представлению истории как сознательно организуемого государством процесса, характерная даже для социально-критических историков (Г.-У.Велер, Ю.Кокка). Начальным симптомом поворота к политическому историзму признается "контроверза Фишера", - дискуссия о целях Германии в Первой мировой войне, развернувшаяся в 1962 -72 гг. И критики, и апологеты немецкой внешней политики сводили механизм ее формирования к устремлениям германских лидеров, будучи далеки от обсуждения социально-экономических проблем.

В начале 1970-х гг. мода на политическую историю приобретает идеологическую направленность. Доклад А.Хильгрубера "Размышления о политической истории современного типа" ориентировал исследователей на противодействие попыткам поставить историографию на службу "идеологиям, именующим себя социальными науками". Другим фронтом называлось противостояние "публицистически обработанным исследованиям из ГДР", представляющим политическую историю Германии в 19 и 20 столетиях как длинный ряд "империалистических аннексий и завоеваний".

Политические историки ФРГ не смогли создать единую методологическую программу. Э.Нольте и А.Хильгрубер выступали за модернизацию традиций германского историзма, К.-Д.Эрдманн и К.Хильдебрандт указывали на необходимость дополнения их методами американской политологии, Г.Шмидт стремился синтезировать эти два подхода на базе теории социального действия М.Вебера. Их объединяло стремление создать систему исторических рецептов, с помощью которых руководство страны могло бы успешно решать свои внутри- и внешнеполитические проблемы, оставаясь в рамках консервативного курса.

Для удобства исследования автор группирует взгляды политических историков ФРГ в три диапазона: методологический, гносеологический (ценностный) и геополитический.

Методологический диапазон состоит в попытках создать процедуру логического анализа, верификации и обобщения исторических фактов, при которой любое исследование неизбежно ведет к подтверждению базисных для данного историка идеологем. В соответствии с этим, признавая качественное усложнение социальной жизни и невозможность убедительно доказать преимущественное влияние социально-экономических и военно-политических факторов на внешнюю политику, политические историки утверждают, что "противоречия между

крупными и великими державами продолжают существенно определять историю даже в 19 и 20 столетиях"(А.Хильгрубер).

Гносеологический диапазон заключается в принятии в качестве отправной гипотезы аксиоматичной объективности или релевантности - гносеологической, партийной и др. - исторических суждений. В его формировании играет важную роль методологическая традиция, что в случае с политической историей ФРГ предопределило рассмотрение научных выводов как объективных, но лишь "частичных ретроспективных истин", не имеющих права быть нормами для выработки политических оценок.

В рамках геополитического диапазона рассматривается история государств, понимаемых в качестве пространственно - временных феноменов, с целью постижения причин их мощи и падения, природы их взаимодействия друг с другом. Он является ведущим для традиционного направления политической истории ФРГ. Не случайно Хильгрубер и его эпигоны видели своей целью не совершенствование методологии, но - конкретно-историческое исследование мировой политической системы второй половины 20 века и истории Германии в период 1866/71 - 1945 гг.

Заглавная проблема политической историографии ФРГ - историческая роль государства и его политики. Немецкие историки унаследовали от национально-политической традиции 19 века: представление о государстве как интегральной и движущей силе общественного развития. Готовность скорректировать его проявляется лишь в сфере внутренней политики. Внешняя политика по-прежнему объявляется общенациональным делом, выгода сильных в котором не превышает выгоду слабых.

Гарантами соблюдения общенациональных интересов являются политические лидеры, действующие "исходя из интерпретации состояния системы государств"(Хильгрубер) или из соотношения требований масс и внешнеполитических угроз (Шмидт) .Такая интерпретация истории предусматривает и отрицательный вариант, при

котором власть оказывается в руках "демонических личностей", ходовым примером чего в историографии ФРГ является "гитлеровское двенадцатилетие".

Традиционное направление политической истории не отказывается от учета социально-экономических факторов, но считает их производными от военно-политического давления, оказываемого на государство извне. Но, воскрешая идейный багаж Л. фон Ранке и О.Хинтце, историки ФРГ активно применяют и методы сравнительно-исторического анализа. Отказаться в их применении нельзя даже Э.Нольте, считающему необходимым элементом исторического познания "понимающее вчувствование" в имманентные предпосылки соответствующей эпохи. Сегодня за такой терминологией скрывается лишь стремление сориентировать ученого на анализ реальных фактов и конкретных условий их проявления, а не на подтверждение политических мифов (что стало основой исследовательских программ для большинства либеральных историков ФРГ). Об этом же говорит отказ политических историков от "суженного до дипломатической истории подхода" с целью "установить противостоящие, сменяющие друг друга или более или менее ясно выраженные в различных вариантах концепции политического поведения, обнаружив при этом степень их зависимости от целевых установок и желаний выражающих их групп и общественных слоев"(Хильгрубер).

Таким образом, обсуждение политического прошлого страны в условиях необходимости создания модернизированной концепции политического консерватизма и историографического обеспечения поиска ФРГ нового "геополитического лица" привело к возникновению обновленной программы традиционной политической истории ("новой политической истории"), провозгласив последнюю поддисциплиной исторической науки.

Во втором параграфе "Континуитет, идентичность и объективность в истории" анализируются существующие в исторической мысли ФРГ

варианты понимания важных для любого варианта политической истории понятий "исторической преемственности", "национальной идентичности" и "научной объективности". Акцентируется внимание на ситуации противостояния модернистского и постмодернистского подходов к истории, характерной сегодня для мировой гуманитаристики. Ее германский вариант характеризовался взаимоисключаемостью соперничающих концепций ввиду их ориентации на разные геополитические сценарии: объединение Германии у модернистов и сохранение status quo у постмодернистов. Первые были представлены традиционной политической историей, вторые - политическими философами консервативного направления, отвергающими необходимость для истории теоретических обобщений в силу ее идеографического характера (Г.Манн, Г.Люббе, О.Марквард, Г.-М.Баумгартнер) и социальными историками, стремящимися создать концепцию обновленного историзма путем синтеза науки и искусства в виде теории форм исторического нарратива (Й.Рюзен, Р.Козеллек, Г.Хедингер).

Политические историки охотнее всего ссылались на положения современных эпигонов М.Вебера (Д.Юнкер, В.Моммзен, Х. фон дер Дунк). В силу этого историческая преемственность превращалась у них в следование определенным ментальным установкам, сформированным историческим опытом, идентичность была одновременно и национальной, и культурно-политической, а объективность понималась как свобода от ценностных суждений.

Рюзен, Козеллек и Хедингер рассматривали исторический континуитет одновременно как базовое понятие историко-философских исследований и как проблему, подлежащую решению средствами этих исследований, задача которых - сохранение равновесия между тремя измерениями исторической культуры: эстетическим, политическим и культурным. Первое реализует себя в культуре, второе - в политической власти, третье - в историографии. Перед последней ставилась задача

сохранения непрерывности существующего жизненного порядка путем культивирования в общественном сознании ценностей идентичности, сориентированной на межнациональный синтез и запрет на проведение «нелигитимных» политических экспериментов. Целью политической истории становилось конструирование «рассказов», содержащих в себе модели человеческого поведения и основанных на системе исторических понятий, априорно объявляемых соответствующими реальной истории.

Г.Люббе и др. политические философы, взяв на вооружение учение Канта, исходили из непознаваемости исторических объектов. Исторический континуитет поэтому стал у них трансцендентальным моментом формообразования нарративного повествования, отражающим не сам объект, но лишь его видимые проявления. Идентичность предстала как схема единства нарративного повествования и одновременно процесс диалектического развития описываемого исторического субъекта. Задачей истории - понимаемой не как наука, но - как нарратив, сориентированный на «великий метарассказ христианской религии» - провозглашалось обеспечение усвоения обществом традиционных ценностей, впервые поставленное под вопрос Французской буржуазной революцией. Объективность объявлялась сущностным свойством человеческого интереса к прошлому, носящего трансцендентальный характер и сориентированного на конформистский этос научного сообщества, свободный от «давления времени». Разрабатываемые в рамках «трансцендентального нарратива» формулы идентичности объявлялись неоспоримыми уже в силу несоизмеримости человеческой жизни и возраста предлагаемых для усвоения традиций. -Вводился запрет на аналитическое обсуждение «отклонений» типа истории Третьего Рейха, подлежащих «философскому забвению».

Постмодернистская программа политической истории базируется на понятийном аппарате постмодернистского художественного течения и

возникшей в качестве теоретической рефлексии на него специфической искусствоведческой методологии, сориентированной на него специфической искусствоведческой методологии, сориентированной на межнациональный синтез. Проблема политической истории решается ею путем трансцендирования «своей» и «чужой» идентичности, «немецкий вопрос» - в рамках европейской интеграции, но без обязательного объединения Германии. Декларируя при этом необходимость создания теории политической истории, не связанной с политическими интересами современности, постмодернистский историзм закономерно смещает акцент от сциентизма на трансцендентальную веру.

Главный вывод параграфа состоит в оценке программы постмодернистской политической истории и даваемых ею толкований понятий преемственности, идентичности и объективности как сориентированных не на исторические реалии, а на идеальное представление о них. «Новая политическая история» расценивается как направление, впитавшее в себя ряд элементов постмодернистской идеологии, но в методологическом плане оставшееся в рамках сциентистской системы. Программа либеральной историографии ФРГ (братья Моммзены, К.-Д.Брахер) признается одним из вариантов «трансцендентального» конформизма постмодернистского типа. В своих оценках автор опирается на теорию П.Сорокина о периодической смене идеациональной (религиозной), идеалистической и чувственной форм мировоззрения. Подчеркивается пограничность ситуации в историографии ФРГ, способной эволюционировать как к сциентизму, так и к идеациональности.

В третьей главе «ФРГ: историко - политические дискуссии середины 1980-х - середины 1990-х годов» анализируется геополитический аспект современной политической истории ФРГ.

В первом параграфе «Спор историков» анализируется указанная дискуссия как практическая апробация методологической концепции

«новой политической истории» и политических составляющих других историко-политических направлений. Главной проблемой германского историописания, в связи с ожиданием грядущего объединения страны, стала в этот момент разработка новой концепции национальной идентичности. Официально принятая в ФРГ доктрина либерального консенсуса, основанная на идентичности покаяния и коллективной ответственности немцев за свою «преступную» историю оказалась в этой связи явным анахронизмом. Постмодернистская культурно-политическая идентичность, отвергающая национальный принцип, означала на деле ориентацию на интересы американской внешней политики.

В противоположность этому, «новые политические историки» предложили концепцию национально-государственных ценностей, совмещающую в себе ценности атлантизма и национальной идентичности. Не вводя для немцев запрета на ощущение своей принадлежности к западной цивилизации, она исходила из приоритетности национальных ценностей над общечеловеческими.

Своеобразной прелюдией «спора историков» стали прошедшие на рубеже 1970/80 гг. дискуссии «интентионалистов» и «функционалистов» (отстаивающих версии об особой роли, соответственно, Гитлера и «системы» в истории Третьего Рейха) и об «особом германском пути». Либеральные историки, отстаивая политическую необходимость демонизации немецкой истории как «изначально преступной», все больше идеологизировали свою позицию. Одновременно с этим, консерваторы начали все более тщательно подбирать научную аргументацию для обоснования своих выводов.

Разгоревшийся в 1986 г. «спор историков» сконцентрировался вокруг проблемы выбора критериев, с точки зрения которых историк верифицирует прошлое. Политические историки отстаивали критерий ориентации на интересы людей прошлого, значимых для конструирования собственной идентичности. Их оппоненты признавали

в качестве единственно верного критерия демократические идеалы в их американской версии (либералы) или ценности постмодернистского межнационального синтеза, усвоенные под влиянием американского литературоведческого постструктурализма (Люббе, Рюзен и т.п.). Последнее не означало отказа от конструирования идентичности, но это была идентичность ограниченно суверенного государства, априорно объявляющая преступным любое проявление национально-политической самостоятельности.

Непатриотичность позиции либералов требовала сделать упор на доводах большой эмоциональной силы, и они занялись расстановкой политических акцентов, объявив своих оппонентов фашистами. Политические историки, напротив, требовали ухода от морализации истории и рассмотрения ее с точки зрения «неудобных» фактов. В результате дискуссия превратилась в спор политических историков и либеральных идеологов.

В тезисах историков воскресли на новой основе идеи Риттера о фашизме как проявлении коренящегося в человеческой психологии фантома насилия, первым примером которого была якобинская диктатура. Ненависть нацистов к коммунистам объяснялась как отношение к конкурирующей социалистической идеологии. Делался вывод о некорректности объявления нацизма «результатом развития немецкого национализма» и родственности обвинения в нацизме всего немецкого народа и гитлеровской идеи о «коллективной ответственности всего еврейского народа».

Эти тезисы доказывались с помощью исторических фактов, по словам Ю.Хабермаса, «не охваченных и не обесцененных нашими ретроспективными знаниями», то есть - выходящих за рамки принятой «консенсусной объективности». Но либералы не смогли привести ни одного факта, обесценивающего отнюдь не бесспорные тезисы консерваторов, а ориентация на образ германского прошлого а la

Нюрнбергский процесс исключила их из процесса создания национальной идеологии новой суверенной Германии.

Во втором параграфе «Историко-политические дискуссии первой половины 1990-х годов» анализируются особенности работы германских историков по историографическому обеспечению поиска ФРГ нового «геополитического лица». Фактологической базой для этого стали оценки в Германии «бархатных революций» в Восточной Европе и споры вокруг книг Фукуямы, Хантингтона и Гольдхагена. В ходе них немецкие историки приняли интеллектуальный вызов исследователей из США, ратовавших за сохранение Pax Americana. При этом, по словам Штюрмера, речь шла «не об игре в бисер, но о контурах будущей мировой политики».

Согласно Фукуяме, крах нацизма в 1945 г. и коммунизма в 1989 г. означает превращение Запада в «зону постистории», занятую экономикой, а не политикой, - поскольку нет больше крупных государств «в рамках истории», и все обиды угнетенных народов третьих стран могут быть решены с помощью ограниченного военного вмешательства и либеральных диктаторов типа Стресснера и Пиночета. Хантингтон, развив его мысли, указал на возможность реванша со стороны оттесненного на задворки истории Третьего мира. Рецептами его предотвращения он назвал сплочение западных стран под американской гегемонией и создание евразийской системы политических противовесов. Геополитической задачей ее стран-участниц называлось сдерживание своего восточного соседа, а ведущее место в ее формировании отдавалось национальным школам политической истории, способным легитимировать эту систему с позиции неодинаковой близости разных народов к идеалу демократических ценностей. Гольдхаген сциентизировал эту политическую программу, представив культурно-антропологическое обоснование уникальности и универсальности идей западной демократии, по сравнению с которыми любая национальная

идентичность - культурный код, обуславливающий отсталость и программирующий зачастую патологическую склонность к насилию. Следствием такого рода патологии объявлялся Холокост, как результат развития немецкой национальной идентичности.

Ни одно из направлений немецкой политической истории не поддержало «американский вызов». Лидер консервативных политических философов Люббе тоже провозгласил «конец политической истории», но образцом новой цивилизации предложил считать не США, а единую Европу. Еще более решительно отстаивали европейскую самодостаточность политические историки, выступавшие против попыток культурологизировать технические достижения западной цивилизации и легитимировавшие возникший после окончания холодной войны всемирный полицентризм. Негативной была и реакция Рюзена, обвинившего Гольдхагена в конструировании «исключающей идентичности», создающей «культурно-историческую дифферентность» немцев и американцев.

Каждый из критиков следовал методологическому символу веры, оформившемуся в ходе дискуссий 1970 - 1980-х гг. Так, Люббе и Рюзен представили Холокост как «сигнатуру модерна», по-прежнему не беря в расчет конкретно-исторические обстоятельства. Но одновременно с этим некоторые из либералов отказались от уничижительной оценки позиции консерваторов в «споре историков», признав их заслуги в отказе от демонизации нацизма и в культивировании идеи германского воссоединения (Ю.Элверт).

Дискуссии 1990-х гг., происходившие в условиях окончания холодной войны, казалось бы, создали все условия для реализации постмодернистского идеала межнационального синтеза. Но оказалось вдруг, что представления о межнациональной культуре у разных национальных школ ее пропагандистов имеют разную национально-государственную обусловленность, за чем кроются зачастую противоположные политические интересы.

В заключении подведены итоги и сформулированы основные выводы исследования.

Традиционное направление политической истории ФРГ в течение 1970 - первой половины 1990-х гг. смогло ввести в научный оборот ряд новых фактов и трактовок их взаимосвязей, подтверждающих тезис о решающей роли политических факторов в истории. Кризис ориентации, характерный для этого направления в 1950 - 1960-е гг., завершился нахождением новых объектов исследования в виде процессов европейской интеграции, объединения Германии и формирования многополюсности в современной международной политике. При этом современные политические историки в ряде случаев заимствуют из социологии ее методы исследования, что проявилось, в частности, в постановке проблем выбора концепций политического поведения (Шмидт, Хильгрубер) и национальной идентичности (Штюрмер, Нольте, Хильгрубер) как сложных социально-политических феноменов.

Современный вариант традиционной политической истории не сформировал принципиально нового взгляда на человека и общество, что не говорит, однако, об ограниченности его возможностей. Хотя методы «новой политической истории» не отличаются качественно от подходов ее «старых» вариантов, требование уйти от «ограниченности» политического историзма тоже не ново. Как и в эпоху Просвещения, оно связано со стремлением представить смыслообразующей категорией истории не «государство», а «культуру». Прошлое подразумевается несуществующим, а реальными объявляются лишь источники, содержащие различного рода «рассказы». Одни из сторонников этой точки зрения (Люббе, Марквард) открыто связывают такое представление с трансцендентальной верой в объективность рассказываемого, другие (Рюзен, Козеллек) утверждают, что за рассказами скрываются социальные реалии. Международные дискуссии 1990-х гг. демонстрируют, однако, что любые «рассказы» и

представления о «культуре» имеют национально-государственную основу.

Другим «ренессансом Просвещения» является позиция Кокки и Велера, объявивших политическую историю составной частью общественной истории. Однако конституирующей формой общества по-прежнему предлагается считать государство, где политический процесс протекает «сверху вниз», а поведение и образ мыслей масс формирует государственная элита.

Таким образом, главным объектом исследования в культуралистских и социоисторических теориях является все то же государство. Но в отличие от политической истории, они переносят акцент с его реальной политики на структуру создаваемых им социальных фильтров. Историки объявляются хранителями и архитекторами этих фильтров, а их необходимость оправдывается борьбой с духовным кризисом современности (Люббе, Рюзен, Козеллек) или заботой о привитии германскому обществу ценностей западной модернизации (Кокка, Велер, братья Моммзены). Политическое в этих теориях переименовано в социальное, а «человеческую реальность (говоря словами Э.Фромма) замещают всего лишь слова, которыми управляет бюрократия, преуспевающая, таким образом, в контроле над людьми, в достижении власти и влияния».

Последнее не означает, однако, методологической бесполезности указанных направлений для истории государства и его политики. Различного рода культуралистские и социоисторические методики могут в перспективе дополнить политический подход, объясняя разрыв во времени между структурными сдвигами и изменениями политической стратегии, выявляя причины «отклоняющегося поведения» государств, а также объясняя политическое поведение в структурно неопределенной среде, когда государство сталкивается одновременно и с внешними, и с внутренними угрозами, или с их одновременным отсутствием.

Апробация исследования. Результаты исследования были обсуждены на заседании кафедры новой и новейшей истории Пензенского педагогического университета, на Вторых всероссийских чтениях, посвященных жизни и творчеству В.О.Ключевского и на 30 всероссийской научно-практической конференции в Пензенской архитектурно-строительной академии.

Основные положения и выводы диссертации изложены автором в следующих публикациях:

1. "Патриотизм достижений". Проблема формирования российской национальной идеологии в свете современного германского опыта. //Губерния, № 1, 1997. - 1,25 п.л.
2. "Тем и эпох пересечение": В.О.Ключевский и "новая политическая история" в ФРГ. // Сборник материалов Вторых всероссийских научных чтений, посвященных жизни и творчеству В.О.Ключевского. - Пенза,1998. - 1,2 п.л.
3. Проблема политической истории в современной историографии ФРГ. // Материалы 30 всероссийской научно-практической конференции в Пензенской архитектурно-строительной академии. - 0,2 п.л.

200